

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(=512.145)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Р.С. Хакимов

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

В статье рассматривается неоднородность исторического времени и пространства, что влияет на понимание сути социальных процессов и его периодизацию в качестве не хронологии, а смыслового деления исторических фаз. Пространство с исторической точки зрения предстает как структурированное в этническом, экономическом и административном плане. Вместе с тем в обществе, несмотря на перемены в нем, сохраняются структурные и культурные инварианты, что хорошо прослеживается на примере кочевых империй Евразии, Золотой Орды, вплоть до Российской империи.

Ключевые слова: исторические инварианты, пространство–время, ландшафт, средства коммуникации, Золотая Орда, Россия, Татарстан.

Резкое изменение течения исторических процессов в точке бифуркации, о котором шла речь в предыдущей статье [25, с. 4–18], ставит принципиальный для исторической науки вопрос о преемственности культуры. Эта тема оказывается теснейшим образом связанной с понятиями исторического времени и исторического пространства. Астрономическое время всегда величина переменная, и оно не дает смыслового масштабирования. Инварианты обнаруживаются, когда мы говорим о «большой длительности», т.е. о структурных элементах, сохраняющихся во времени и пространстве. Историческое время не совпадает с хронологическим течением событий. В истории нам важны смысловые периоды, а не членение по астрономическим годам и векам. Любая периодизация предполагает выделение смыслового исторического времени. Представления о течении времени, его интенсивности меняются в зависимости от образа жизни, характера социально-экономических и политических процессов.

Пространство как историческая категория, а не понятие, взятое из геометрии, как и время, далеко не однородно. Оно не представляет собой механическую протяженность, что хорошо видно по разнообразию ландшафта. Столь заметны изменения пространства во времени, когда меняется климат или на конкретных территориях появляются новые исторические персонажи: народы, государства, культуры. Тогда ландшафт может превратиться в государственную территорию.

Россия исключительно разнообразна по природным и климатическим условиям, что влияет не только на экономику, но и на государственную структуру. Историки изложению событий, как правило, предваряют обзор природных факторов, но чаще всего их сводят к ландшафту Русской равнины, Окско-Волжского междуречья, южнорусской степи. Такой подход характерен для многих исторических трудов, ставших классическими, в частности С.М. Соловьева [18, с. 56], В.О. Ключевского [11, с. 80], а также для работ многих современных исследователей. На самом деле Россия гораздо разнообразнее – это тундра на Крайнем Севере, субтропики на юге, моря и горы, тайга и степи, где складывались культуры десятков народов. География определяет не только условия жизнедеятельности, но и возможные способы коммуникации, торговые пути, протяженность границ и т.д.

Различные климатические зоны создают среду обитания, в которой формируются племена и народы. «Человечество, – пишет Л.Н. Гумилев, – с момента своего становления было тесно связано с окружающей природой, черпая из нее средства существования. Приспосабливаясь к различным ландшафтам: тропическому лесу, сухой степи, тундре и т.д., люди вырабатывали систему навыков и обычаев, что повлекло разделение человечества как вида на разнообразные коллективы, которые называются этносами» [6, с. 237–238]. Без особых причин люди не покидали свои места обитания, к которым была привязана их хозяйственная деятельность. В то же время границы ландшафтных зон не были препятствием для сотрудничества. Более того, «согласно наблюдениям, – пишет Л.Н. Гумилев, – новые этносы возникают не в монотонных ландшафтах, а на границах ландшафтных регионов и в зонах этнических контактов, где неизбежна интенсивная метисация. Равно благоприятствует пусковым моментам этногенеза сочетание разных культурных уровней, типов хозяйства, несходных традиций. Общим моментом тут является принцип разнообразия» [7, с. 35]. Благодаря контактному зонам происходит не только торговля, но также обмен культурными ценностями, восприятие новых идей, влияющих на представления этноса. Наличие в ландшафте России большого количества контактных зон породило этническое многообразие.

Если сопоставить географические особенности современной России с этнической картой, то выделяются группы народов, привязанные к определенному ландшафту: тундре, лесу, лесостепи, степи, равнине, горам, приморской береговой линии. Привязка этнической карты страны к географическому пространству сохраняется с вариациями на протяжении всей истории России. Со временем новые средства коммуникации и экономические отношения привносят свои особенности в этническую конфигурацию различных территорий, а иногда кардинально меняют ее. Общая статистическая тенденция складывается в пользу преобладания русской этничности на всей территории страны, но существенно отметить территориальное распределение этносов, ведь для политики важна не только демография как общее количество населения, но также административный ресурс отдельных территорий, в которых доминируют те или иные этносы.

На Севере существуют два исторических пласта. Один связан с судьбой северных народов, живущих в единстве с ландшафтом, другой характеризует процесс колонизации территории приезжими из других регионов страны для освоения недр земли.

Народы Севера с трудом, но сохраняют свой традиционный образ жизни. Арнольд Тойнби так оценивает симбиоз северных этносов и ландшафта: «Наказанием за умелое приспособление к арктическому окружению и использование скрытых Севером богатств стало жесткое подчинение жизни эскимосов годовому циклу сурового арктического климата... Тирания арктической природы властно вводит столь жесткое расписание жизни арктического охотника, что оно, пожалуй, сравнимо с тиранией “научного управления”» [21, с. 190]. Суровый климат и специфика среды обитания, борьба за ресурсы жизнедеятельности создали особую культуру. «В отличие от юга Евразии, – пишет А. Головнев, – где преобладали оседлые сообщества, на севере долгое время развивались культуры больших пространств и высокой мобильности. В древности вся северная Евразия была кочующей, населяющие ее народы никогда не были в полной мере оседлыми и различались лишь стилем и размахом миграций. Категория “путь” и соотношение “дом-путь” – едва ли не основное измерение евразийских культур: если для оседлого сознания путь как преодоление расстояния – инобытие или подвиг, то для кочевой культуры – смысл и основа обыденности. На севере Евразии путь как система движения и жизнедеятельности нередко приобретал вид народа (этнического тела в истории самоедов) или государства (политического тела в практике викингов)» [5, с. 32]. Для северных народов история протекает замедленно, любые изменения происходят скорее в пространстве в виде перемещений, нежели во времени, слабо выражены изменения в хозяйственной жизни и культуре. Северные этнические группы могут переходить к характерным для всей России экономическим отношениям и культурным ценностям, тогда привязка к ландшафту теряет свое значение.

Особенности ландшафта и климата Севера не дают возможности существования большого количества населения. Города, возникшие за Полярным кругом России, опирались на добычу природных ресурсов и никак не связаны с древней историей Севера и ее ландшафтом. Их жизнь не является приспособлением к природе, а необходимость отапливать и снабжать средствами жизнеобеспечения большие города вынуждает использовать специфические привнесенные технологии, как, например, «северный завоз», который замораживает значительные финансовые ресурсы на многие месяцы.

Основная масса некоренного населения Севера связана с добычей полезных ископаемых, их интерес уходит в глубину земли, в подземное царство, где располагаются алмазы, золото, никель. Поиск нефти и газа на шельфе в Северном ледовитом океане делает стратегически важным это пространство, но с исторической точки зрения это выглядит прихотью экономики, а не симбиозом человека и природы. Как старатели покидают свои временные земли, когда заканчиваются запасы золота, так и добытчики черного золота оказываются временщиками на Крайнем Севере. Для российского государства с экономической точки зрения эта территория оказывается пространством подземным – недрами, а не поверхностью и не ландшафтом.

В лесной зоне исторически жили люди «Леса», т.е. финно-угорские народы. Хотя со временем леса поредели из-за распашки и осушения, тем не менее, и сегодня эти народы живут в своей массе на той же исторической территории. Конечно, их образ жизни изменился, давно потеряли какое-либо значение охота и бортничество; по своему образу жизни они мало отличаются

ся от остального населения России, но сохраняют традиции, включая древнюю религию, которая причудливо сочетается с православием. Политически это выражено в наличии своих республик и автономных образований, стремлении развивать этническую культуру, создавать национально-культурные автономии. Иначе говоря, пространство приобрело форму административной территории.

В лесостепи и на равнинах в средние века селились славяне, которые в основном занимались земледелием. Однако первые государства у русских появились благодаря рекам, по которым плавали викинги. Днепр и Дон были географической основой государственности славянских племен, объединявшей ближайшие леса, лесостепи и равнины общими экономическими интересами и потребностью защищать как торговые пути, так и свою территорию.

В степи, начиная с раннего средневековья, формировались тюркские народы. Кочевое хозяйство и лошадь составляли основу их хозяйства. В то же время для появления таких государственных образований, как Первый и Второй тюркские каганаты и другие последующие тюркские государства, существенную роль сыграла добыча железа в горах Алтая.

Последующие великие переселения народов смешали строгое соответствие между ландшафтом и этносом, включив в исторический процесс такой фактор, как реки. Если степь и ее непременный атрибут лошадь играли роль средства коммуникации для перемещения в основном с Востока на Запад, то реки связывали пространство с Севера на Юг. Эта связка степи и речных пространств определяла не только симбиоз народов, но и саму возможность создания великих империй. «Всякий народ, – пишет Н.С. Трубецкой, – овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной части Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, т.к., господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он, тем самым, подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом» [23, с. 7]. В те времена кто контролировал степь, тот контролировал и города. Симбиоз степи и рек создавал также симбиоз народов, прежде всего, тюрков, славян и угро-финнов.

Несмотря на то, что Россия омывается морями, она страна континентальная, ее характер определялся в большей мере Степью и великими реками, нежели морями. Ко времени расцвета Российской империи значение степи резко упало. Ряд факторов можно выделить в этом процессе: 1) изменение климата, в результате чего значение кочевой культуры, сыгравшей громадную роль в объединении Азии и Европы, стало второстепенным; 2) усиление роли великих рек для торговли и коммуникации, а вместе с этим рост больших городов; 3) развитие в XIX веке капиталистических отношений.

Горы, как и моря, не играли решающего значения для формирования характера России, но без них трудно представить такие территории, как Алтай, откуда берут истоки не только тюркская, но и другие цивилизации, а также Кавказ с его десятками различных народов и сотнями диалектов.

Горы – это преграды, но одновременно и убежище, страна свободных людей. В горах, далеко расположенных от больших дорог, не всегда действуют законы государства и столетиями сохраняются свои обычаи. В горах можно пасти скот, местами добывать необходимые полезные ископаемые, в предгорьях разбивать фруктовые сады и виноградники, сеять пшеницу. В то же время

горы являются областью проживания разрозненного населения, сосредоточенного в небольших селениях, в отличие от равнин, где преобладают более крупные поселки и города. Поэтому в горах Северного Кавказа проживает множество народов, изолированных друг от друга ущельями. В силу труднодоступности гор влияние на них городов и равнин оказывается замедленным, а население заоблачных миров управляется старейшинами и обычным правом (ада-том). В горах консервируются древние традиции и обычаи, которые порой доживают до наших дней. Все слышаны о вендетте. Аналогичные обычаи кровной мести можно встретить сегодня в Чеченской республике.

Пространство гор нельзя рассматривать так же, как остальную территорию России. Там действуют другие масштабы измерения, иные ценности и нормы. Политики, как правило, увлекаются общими цифрами, подсчитывая процентное соотношение русских и нерусских народов. При этом забывается фактор неомогенности российского пространства. Северный Кавказ это особенно хорошо иллюстрирует. В то время как на большей части России доминируют русские, на Северном Кавказе ситуация складывается прямо противоположная, в связи чем с этой территорией приходится договариваться на особых условиях, соблюдая уважение к обычаям горцев.

В настоящее время ландшафт не играет определяющей роли в судьбе этносов, а потому и его влияние на идеологию и политику оказывается опосредованным историческими традициями. Тем не менее само пространство оказалось структурированным. Этносы, живущие на своей исконной территории, считают себя коренным народом, а потому требуют законодательного закрепления своих прав независимо от доли в общей массе населения России, т.е. отдельные территории приобретают этническое, идеологическое звучание и даже государственное закрепление в виде республик, несмотря на свою относительную малочисленность. Можно утверждать о наличии корреляции между ландшафтом и этнической картиной российского пространства.

Пространство из простой географии превращается в социально значимую территорию, когда оно оказывается соединенной средствами коммуникации. Для этого нужны способы передвижения людей и перемещения ресурсов, механизмы обмена культурой и сбора информации. В первом приближении это дороги и транспорт. В тундре такую функцию выполняют олени упряжки, но их скорость передвижения зависит от времени года и местности. На реках и на море – это корабли. В степи – это лошадь, телега и юрта. Говоря словами поэта ал-Джахиза (IX в.), «тюрок сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли». В кочевой культуре использовались также волы для перевозки тяжелых грузов. Степь позволяла быстро передвигаться большой массе людей, за счет чего перемещались не только войска, но и значительные людские и материальные ресурсы. В то же время для кочевников лес, горы и море становились серьезным препятствием. Реки преодолевались вброд или с помощью специальных средств, либо зимой по льду.

Выдающуюся роль в развитии России и, в частности, Волго-Уральского региона играли реки, прежде всего Волга, по которой можно было добраться от Скандинавии до Каспийского моря. «Великий Волжский путь, каким он функционировал в последней четверти I тыс., – пишут А. Кирпичников и Ф. Хузин, – можно представить состоящим из нескольких отрезков. Основу, естественно, составляла сама Волга, к ней тяготели реки, а также сухопутные

водные трассы, представлявшие ее транспортное продолжение. Не будет преувеличением протянуть общий маршрут Волжской системы с учетом ее прямого и косвенного функционирования от Британии и Голландии до Ирана и Ирака» [8, с. 302]. Естественно, река обрастает поселениями для охраны и перегрузки товаров, ремонта судов, заставами для сбора пошлин, постоянными дворами, ремесленниками, торговцами и т.д. Только в Волжско-Камской Болгарии было около 170 укрепленных поселений [8, с. 305]. Развитие судоходной и иной торговли в бассейне Волги начиная с VIII в., сопровождалось установлением единой платежной единицы – дирхема.

В средние века для Волго-Уральского региона столь же большое значение играли реки Кама и Вятка. По представлению ал-Бируни, в седьмом климате расположены города Сувар и Булгар, земли болгар, русов и мадьяр; «за этим климатом обитают немногие народы – ису, варяги, йура и подобные им» [8, с. 761]. Волжско-Камская Болгария была крайне удобным местом для организации крупных перевалочных баз в международной транзитной торговле. Ал-Омари сообщает: «Купцы наших стран... не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулмана, а купцы чулманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» [20, с. 240]. Этот путь находился под контролем государства и, скорее всего, был регламентирован, так же как и торговый путь между Волжско-Камской Болгарией и Киевской Русью, имевший переходы, станции для дневок и ночевок, охранялся военными гарнизонами. Важнейшей торговой станцией была Алабуга с надежно укрепленной крепостью, построенной в X–XI вв. В этой точке могли сходиться и речная, и сухопутная части Камского пути. «Булгары, – пишет А. Белавин, – были основными торговыми партнерами жителей Приуралья в обмене с Русью и Севером Европы, а Камский торговый путь служил своеобразным ответвлением трансевропейского Волжского торгового пути. Волжско-Камский великий торговый путь был в IX–XIV вв. главной магистралью, по которой продукция городского ремесла Европы и Азии проникала и за Урал» [8, с. 240]. Камский торговый путь использовался в качестве основной торговой магистрали с Предуральем и Зауральем вплоть до XV в.

В эпоху Золотой Орды как сухопутные, так и речные пути продолжали играть важную роль. Наряду с этим появился фактор Черного моря, которое было главной транспортной артерией в торговле с Европой. Крупные черноморские порты: Каффа, Солдайя, Тана и другие – были отданы на откуп генуэзцам и венецианцам. Однако было бы опрометчивым считать их территорией морских республик, ведь они находились здесь и осуществляли свои торговые операции согласно ярлыкам ханов, которые определяли их статус и размер налога.

Наряду с акцентом на разнообразии пространства, как ландшафта и административной территории, важно уловить инварианты, т.е. сохраняющиеся в изменчивом пространстве-времени (хронопространстве) культурные и структурные элементы. По словам Фернана Броделя, «география, которой мы можем задавать любые вопросы, как истории, отдает, таким образом, предпочтение почти неподвижной истории» [2, с. 30]. В общем и целом можно уловить сохранение определенных этносов на конкретной территории, но не менее важно определить, что именно сохраняется в этнической культуре в ходе трансформации или под давлением внешних обстоятельств.

Очевидно, что кардинальная ломка социальных процессов, например в результате завоеваний, меняет всю социальную структуру, может коснуться и демографических факторов: истребление населения или его вымирание, рассеивание, ассимиляция. Нельзя утверждать, что демографическая масса сохраняется или изменяется при резкой смене исторического вектора. Так, Чингиз-хан заранее предупредил, что население, которое сдаётся без боя, сохранит свой уклад жизни. Но это не означало, что численность и состав населения не менялись. Одновременно с завоеванием шло перемещение больших масс людей, которые меняли демографическую ситуацию, и, конечно же, при этом существенно или полностью менялись административные функции государственных органов, а также экономические отношения.

В качестве инварианта различных исторических фазисов нельзя рассматривать и энергию. Она менялась как в сторону подавления, так и в сторону раскрытия творческих возможностей. В случае завоеваний, естественно, активность местного населения подавлялась, но те же завоеватели могли разрушить устаревшую структуру отношений, уменьшить налоги, ввести более свободные законы и, тем самым, позволить энергии, скрытой до той поры в устаревших государственных и социальных структурах, проявить себя.

Нельзя утверждать, что сохраняется в полной мере и культура. Как раз она и может пострадать при неблагоприятном стечении обстоятельств, или же само общество, готовое к трансформации, найдет способы изменения культуры. Скажем, Реформация в Европе обозначила переход от Средневековья к Новому времени с резким изменением культуры и ментальности. У татар джадидизм стал точкой коренного преобразования культуры, в результате чего народ превратился в современную нацию. В то же время, очевидно, что многие элементы культуры сохраняют преемственность. Когда мы говорим об этнической культуре с древними корнями, то имеем в виду сохранившиеся элементы, которые по какой-либо причине стали значимыми, а потому могут выполнять функцию маркеров.

Что же остается в качестве инварианта при переходе из одного хронопространства в другое или из одного фазиса истории в следующий? В общей форме можно сказать, что таким инвариантом выступает информация. Существуют примеры преднамеренного уничтожения старой информации, переписывания истории, сжигания книг, но одновременно человечество стремилось сохранить знания и для этого искало специальные носители, будь то глиняные таблички или папирус, бумага. Древние тюрки делали записи на камнях руническими письменами. Вся эпоха Возрождения связана с возвращением античных знаний в Европу, и на этой почве появились современная наука и культура.

Не менее важной процедурой передачи знаний являются традиции, обычаи, преемственность трудовых и иных навыков. Этот механизм передачи знаний и навыков сохранил свое значение до сегодняшнего дня. До появления университетов знания и навыки передавались частным путем от мастера к ученику. Именно таким образом сохранялись культурные традиции в ремесленном производстве, градостроительстве, сельском хозяйстве, военном искусстве и государственных делах. В средние века книжным знанием обладали почти исключительно священнослужители. Передача навыков от поколения к поколению порой бывает важнее, чем обучение, ведь семейные, про-

изводственные традиции оказывали существенное влияние на преемственность в культуре. Кстати, это хорошо понимали и завоеватели. По свидетельствам Платона Карпини, Рашид ад-дина и Ибн ал-Асира, татары систематически угоняли опытных ремесленников и мастеровых, понимая их значение для процветания государства. При этом они не оголяли исконные территории. Так, в ходе нашествия Бату-хана в русских княжествах в целом падения ремесленного производства не наблюдалось. Что касается сельского хозяйства, то, как указывает Б.А. Рыбаков, татары осмотрительно оставили крестьян в покое, чтобы те могли, говоря словами Ипатьевской летописи, «орют пшеницу и проса» [16, с. 525]. Знания и навыки – тот элемент, который сохраняется при самых резких переломах в историческом движении, независимо от того, где находятся причины перемен – внутри или вовне социальной системы. Для определенности возьмем примеры из истории Евразии.

Гунны и тюрки изобрели исключительно рациональные формы устройства походной жизни, без чего невозможно было бы покорение евразийских степей. Рационализм тюрка был порожден самой жизнью, а не философским созерцанием. У каждого народа был свой путь к различным философским категориям. Древние греки, благодаря разнообразию свободных городов-государств и царившей в них демократии создали уникальную и непревзойденную философскую школу, вобравшую в себя все тонкости человеческой мысли. Римляне в большей степени были озабочены строительством дорог и сочинением законов, укреплявших империю, а философию заимствовали у греков. Тюрки самостоятельно размышляли над мировоззренческими проблемами. Хотя они были хорошо знакомы с китайской традицией, более того, специально изучали религию, философию и законы китайцев, тем не менее, их быт и система производства слишком сильно отличались от образа жизни оседлых народов. Жажда нового и неизвестного у тюрков выразилась в организации походов и устройстве империй. Их специфическая философия была отражением тех суровых требований жизни, которые не терпели излишеств и всячески стимулировали рационализм и прагматизм.

Арба была и домом, и средством передвижения, и крепостью. Не случайно китайцы уйгуров в III–IV веках называли гаогюй – «высокие телеги», а в V веке – теле (тегрег – «тележники»). Порой на них устанавливали небольшие, легкие юрты и запрягали верблюдов или волов. Э. Дженкинсон во время своего путешествия видел кочующую группу ногаев с тысячей походных домов, «казавшихся издали городом». Такая организация позволяла целым народам перемещаться по степи на тысячи и тысячи километров. Это звучит странно для европейского уха, но у кочевников передвигались целые города со всей необходимой инфраструктурой, обеспечением жизнедеятельности, а на ночь телеги устанавливались кругом («куреном»), становясь аналогом крепостных стен. Они жили за войлочными стенами.

Юрта только на первый взгляд кажется примитивной, а по сути дела, с точки зрения архитектуры, она на редкость совершенна. Благодаря своей круглой форме юрта хорошо сохраняла тепло. Ее нередко сооружали из двух куполов. Воздушная прокладка между ними служила изоляцией и от холода, и от жары. Юрты быстро собирали женщины, разжигали в центре огонь и готовили пищу, которая находилась вместе с ними в обозе в виде живых баранов. Гильом Рубрук пишет: «Обязанность женщин состоит в том, чтобы

править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и курт, готовить шкуры и сшивать их, а сшивают они их ниткой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие нитки, сплетают их в одну длинную нить. Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье... Они делают также войлок и покрывают дома. Кроме того, женщины участвуют в выпасе овец и коз» [4, с. 100–101]. Юрты были вместительными и хорошо вентилировались, поскольку наверху имели отверстие, куда уходил дым, и оттуда же поступал свет. Ханские юрты вмещали до пятисот гостей.

Опорой степной культуры был конь, который стал средством передвижения и боевой единицей. Конь обеспечивал удивительную мобильность кочевников. Изобретение стремени резко усилило боевую мощь воина, дав опору для сильного удара саблей. Легкий составной лук стал еще одним элементом, определившим победы кочевников в войнах. П.Н. Савицкий в одном из писем Л.Н. Гумилеву писал: «Кочевники дали в свое время миру штаны и седло. Не может быть сомнения в том, что и одно, и другое важнейшее “изобретение” зародилось именно в кочевом мире. “Изобретения” эти просты, как все гениальное. Можно сказать так: в окончательном историческом итоге кочевники весь мир, всю обитаемую часть нашей планеты, одели в штаны и посадили, в свое время, на седло» [6, с. 212]¹. Все эти элементы хозяйства, труда, быта можно проследить по всем векам и народам, вплоть до исчезновения кочевников в результате наступления земледелия и промышленности. Они определяли мобильность и мощь степных империй и в то же время были привязаны к пастбищам, т.е. к вполне определенному ландшафту и климату.

Инварианты можно обнаружить также в организации системы управления. У гуннов верхушку общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными отношениями. Эта цифра впоследствии будет встречаться регулярно. Ибн-Фадлан, прибывший с посольством в Булгар в 922 году, вспоминает: «Когда же мы были от царя булгар на расстоянии одних суток пути, он послал нам навстречу четырех князей, находящихся под его властью, а также своих братьев и сыновей» [13, с. 68]. Ал-Омари, характеризуя государственный строй Золотой Орды при Мухаммад Узбеке, писал: «Правители этого султана – четыре улусных эмира, из которых старший [называется] беклерибеком, т.е. старшим эмиром. Всякое важное дело решается не иначе, как этими четырьмя эмирами; коли кого из них не было, то имя его [все-таки] вписывали в ярлыки, т.е. указы, как бы оно было вписано, если бы он был налицо или наместник его заступал его место» [9, с. 113]. Будут меняться эпохи, ханы, государства, но вплоть до Казанского и Крымского ханств останутся четыре главных рода, определяющих политику. Герберштейн в «Записках о Московии» свидетельствует: «Татарские цари имеют четырех мужей (viros), с которыми преимущественно советуются в важнейших делах». Эти четверо были карачи. Термин «карачи» происходит от слова «карамак» – смотреть. Они, как правило, состояли из четырех знатнейших княжеских родов: Ширин, Аргын, Барын и Кипчак. Впоследствии род Кипчак прекратился и на его место стали два рода – Мангыт и Седжеут, а еще позднее место Мангыта занял род Мансур [13, с. 674]. Среди карачи выделялся

¹ Штаны, видимо, изобрели скифы, а гунны лишь заимствовали их и донесли до Европы. См.: [3, с. 347].

«улу карачи». Такое звание носили Ширины. Аналогичные структуры были во всех позднезолотоордынских ханствах.

Эта цифра четыре, повторяющаяся из века в век, могла ассоциироваться с четырьмя сторонами света. В орхонских надписях есть постоянные ссылки на четыре стороны света, ханов при восшествии на трон поднимали за четыре конца кошмы. Для тюрков цифра четыре несла элемент сакральности.

Глава государства гуннов мог происходить только из самого знатного рода четырех господствующих княжеских родов. Его называли «сыном Неба» (Тенгри Кут)², который издавал законы (торе) и сам был судьей. Эта должность была наследственной. Следующими по значимости были левый и правый «мудрые князья», обыкновенно из его сыновей или ближайших родственников. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали правым и левым крыльями армии. Ниже них стояли тумены (темники), т.е. «начальники над десятью тысячами всадников». Их число было строго фиксировано – 24, и назначал их сам государь, который выделял подвластную территорию. Темник назначал тысячников, сотников и десятников, наделяя их землей с соответствующим населением. Военный лагерь и княжеская ставка у гуннов назывались ордой.

Каждый гунн считался воином. Сымя Цянь писал о них: «Во время приволя, по обыкновению следуя за скотом, занимаются полевой охотой и тем пропитываются; а в крайности каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги. Таковы суть врожденные их свойства» [8, с. 367]. Все мужское население с детства и до смерти было приписано к строго определенному воинскому подразделению со своим командующим. Римский историк Аммиан Марцеллин о гуннах писал, что «в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг нарочно рассеиваются и, не выстраивая боевой линии, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты, никогда не случается видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь» [8, с. 397]. Основной тактикой боя у гуннов было внезапное нападение, чего больше всего боялись их противники. Другие народы с древнейших времен пытались перенять их способы ведения войны. Правитель царства Чжао Улинь-ван (325–299 гг. до н.э.), «изменив существующие обычаи, стал носить варварскую одежду, обучаться верховой езде и стрельбе из лука» [8, с. 126]. Впрочем, китайцы больше полагались на строительство укреплений вдоль границ.

Образ жизни гуннов повторялся с вариациями и в более совершенной форме у тюрков и татаро-монголов. У тюрков «мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший «ир аты» («мужское имя»), независимо от сословия, рода, племени. Тюркские армии и войска татаро-монголов впоследствии строились по той же десятичной системе, т.е. делились на тысячи, сотни и десятки. По «Ясе» Чин-

² Термин «кут» встречается в разных формах на протяжении всей тюркской истории. Садри Максуди писал: «Древние тюрки представляли и воспринимали “кут” как проявляющиеся в разных формах некую духовную силу, духовное состояние». Вместе с тем он подчеркивает и чисто политическую сторону этого термина – «сила политической власти, право и правомочность управления государством, величие власти» [15, с. 117].

гиз-хана, «тысячники и сотники должны каждый так содержать в порядке свое войско и в готовности, чтобы во всякую пору, как придет указ и приказание, садились на коней, не ожидая, даже ночью». У армии были центр, левое крыло (восточная сторона) и правое крыло (западная сторона). О Монгольской империи В.В. Трепавлов пишет: «Военно-административное районирование и управление были унаследованы от тюркских каганатов VI–VIII вв. Именно в них соправительство и система крыльев Монгольской империи находят ближайшие соответствия. Ни китайские, ни киданьская империи не оказали влияния на формирование этих ингредиентов монгольской государственности» [22, с. 111]. Точно так же преемственность просматривается в титулатуре татарских государств. «Каан (хаган) – монархический титул у монголов XIII–XIV вв. пришел в Еке Монгол улус из раннего средневековья, – считает В.В. Трепавлов. – В форме “каган” этот титул существовал у сяньби, жужаней, авар, тюрк-туцзюэ, сеяньто, уйгуров, кыргызов, хазар, ранних киданей и других тюркоязычных и монгольязычных народов IV (V?) – XI вв.» [22, с. 59]. Преемственность некоторых структур и норм тюрко-татарских государств можно проследить вплоть до Российской империи, когда титул «хан» заменяется «царем», а «курултай» – «собором». Коренные изменения в государственной структуре России начинаются только с реформ Петра I.

Упомянем еще об одной сфере, существенной для жизнедеятельности, которая также демонстрирует наличие инварианта, – язык, поддерживающий удивительную преемственность культуры. Народы, говорившие на тюркских наречиях, назывались по-разному, но их общий язык сложился очень давно, задолго до появления первых гуннских держав. Сергей Кляшторный пишет: «Племена – носители прототюркских языков расселились главным образом в Центральной и Внутренней Монголии, от Байкала до Ордоса. Процессы языковой дифференциации были весьма сложными и протекали в разных областях неодинаково; на многих территориях прототюркские и протомонгольские племена жили смешанно; в Западной и Центральной Монголии, где до начала II в. до н.э. преобладали ираноязычные юэцжи, прототюркские находились в непосредственном соседстве с ними» [10, с. 54]. Из орхонских памятников видно, что тюркский язык мало изменился за эти столетия. Олжас Сулейменов определяет это явление как «феноменальный консерватизм тюркского слова и языка» [19, с. 109]. Устойчивость и близость тюркских наречий определяется тем, что они сложились как развитый язык уже в глубокой древности. Н.С. Трубецкой, объясняя близость тюркских языков, пишет: «Неправильности и “исключения” в каждом языке неизбежно происходят в силу бессознательных механических изменений, претерпеваемых каждым языком в течение его истории и связанных с самой природой исторического развития языка: всякая более древняя стадия развития языка всегда более “правильна”, чем стадия новейшая. Но дух подчинения живой речи подсознательным схематическим законам в тюркских языках настолько силен, что совершенно нейтрализует это разрушительное действие исторических процессов; потому-то грамматики современных тюркских языков не знают (или почти не знают) “исключений”, и потому-то отдельные современные тюркские языки так похожи друг на друга» [24, с. 70]. Естественно, с языком передавались и многие нормы жизни и морали, общие представления о мире, отношении к другим народам, государству, труду и т.д.

Существовали также и внешние причины, влиявшие на ход истории. У Великой Степи был грозный противник, прежде всего в лице мощной китайской культуры. Она не была столь простой и наивной как культура степняков, поскольку сама жизнь оседлого народа включала и земледелие, и городскую жизнь, развитую философию, совершенно иные нравственные начала, тонкую внутреннюю политику и хитрую дипломатию. В среде гуннов всегда существовали разные настроения в отношении Китая. Одни говорили: «Китай находится в зените своей мощи... Мы понесли поражение по всем линиям и нам наверняка следует лучше притушить нашу гордость, чем идти на вечную войну. Если мы окажем почтение Китаю, то мы сохраним наши жизни в мире. Если же наоборот, то умрем самым страшным путем. Конечно же, лучший путь ясен». Император Китая не жалел дорогих подарков, чтобы привлечь на свою сторону степняков. Даже тогда, когда хунны, пережившие на китайских принцессах, оказались на императорском троне и основали свою династию и какое-то время правили на севере Китая, и тогда они правили как китайцы, а не как тюрки. Они копировали китайский быт, нравы, титулатуру и обряды. «В течение 6-го столетия, – пишет Э.Х.Паркер, – когда татарские династии сиен-пи (сяньбийцы) правили в Северном Китае, здесь была раса полудивилизованных татар, живущих в пределах старого владения Лю Юань между рекой Фен и Желтой Рекой... Они осели, выращивали шелковый кокон и могли читать по-китайски, хотя говорили на татарском. Очевидно, что они испытывали процесс ассимиляции, предпосылки которой уже были заложены» [14, с. 80]. Гуннские племена, поддавшись очарованию китайской цивилизации, растворились в ней, сохранились только те, которые выработали идеологию сопротивления.

После знаменитого вождя Багатура его место занял сын Каяк. Китайский император немедленно послал ему в жены одну из принцесс в сопровождении евнуха. Этот человек вовсе не был сторонником кочевого образа жизни, но, оказавшись не по своей воле в их стане, провозгласил, что станет «заношой в боку Китая». Он так изложил идеологию кочевников их предводителю: «Ваша полная орда едва ли равна в численности населению пары китайских провинций, однако секрет вашей силы заключается в вашей независимости от Китая по всем вашим потребностям. Я заметил все возрастающую любовь к китайским товарам. Подумай о том, что одна пятая китайского богатства будет достаточной для того, чтобы купить всех твоих людей вместе. Шелка и сатины являются даже не половиной того, что так хорошо устраивает фетр в вашей суровой жизни, скоропортящиеся китайские деликатесы не так хороши и потребны, как ваш кумыс и сыр». Слова евнуха истинным степнякам были по душе. Они говорили: «Наше естественное бытие заключается в животной силе и активности; мы не приспособлены и презираем бесславное условие рабства и праздности. Сражение на коне является существом нашей политической силы, и именно этим путем мы всегда были в состоянии утверждать наше преимущество среди варварских наций. Смерть в сражении является честью для каждого храброго воина... Как бы ни был Китай силен, однако он не в состоянии завоевать нас и ассимилировать. Почему должны быть забыты наши древние обычаи, оказывая почтение Китаю, позоря память наших предков и делая самих себя посмешищем в глазах других наций?». Великая Степь сохраняла свою независимость только как кочевая культура, в против-

ном случае растворялась в численно превосходящих государствах. Тема противостояния кочевой и оседлой цивилизаций на протяжении тюркской истории возникала множество раз и во многом определяла политику. Йоллыгтегин написал на камне: «У народа табгач, дающего нам без ограничения столько золота, серебра, спирта и шелка, речь была сладкая, а драгоценности мягкие; прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они весьма сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Те же, поселяясь вплотную, затем усваивали себе дурное мудрование». В надписи в честь Кюльтегина поясняется, что означает «дурное мудрование»: «...вследствие подстрекателей и обмана, обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщений, а также вследствие того, что они ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, – тюркский народ привел в расстройство свой существовавший эль». В этих надписях выражена борьба не только двух государств, но и разных идеологий. Один из правителей Тюркского каганата собирался строить крепости и монастыри. Ему возразил известный советник Тоньюкук, который сам учился у табгачей и прекрасно знал, кем становятся бывшие кочевники при столкновении с земледельческой цивилизацией китайцев: «Нет! Тюркский народ мал, даже не сотая часть Китая, и единственной причиной того, что мы были в состоянии бороться с ним, было то, что мы, кочевые, таскали с собой свои провизии на своих ногах, и все мы были сведущи в искусстве войны. Когда мы можем, мы можем грабить, когда мы не можем, мы скрываемся там, где никакая китайская армия не застанет нас. Если мы начнем строить города и менять наши старые обычаи жизни, то мы в один прекрасный день найдем себя всех аннексированными. Более того, главным смыслом монастырей и храмов является внедрение мягкости характера, в то же самое время только жестокие и воинственные правят человечеством» [13, с. 148]. В этом высказывании выражено мировоззрение кочевой цивилизации, которое сохранялось вплоть до времени Ногайской Орды и других степных культур.

О кочевой культуре, ее инвариантности можно говорить, пока мы находимся в рамках определенного пространства с характерным климатом и хозяйством. Такая специфическая территория предстает как масштабированная однородная протяженность, что и предопределяет культурную инвариантность. Но она имеет свои временные рамки. «Кочевничество, – писал Л.Н. Гумилев, – это явление мирового масштаба, существовавшее около трех тысячелетий. Возникло оно как способ приспособления человека к изменившейся природной обстановке и точно по тем же причинам на наших глазах исчезает» [6, с. 512]. В определенный период истории (точнее, в I тыс. до н.э.), связанный с глобальными климатическими изменениями, некоторые племена переходят к кочевому или полукочевому образу жизни. Но те же климатические изменения ограничивают исторический срок кочевой культуры.

Политическая ситуация также влияет на количественные и качественные характеристики пространства. Это особенно заметно при завоеваниях, ведущих к кардинальной смене власти, но могут быть и внутренние причины для ломки государственных и культурных традиций. Иначе говоря, проводя историческое исследование, мы должны видеть как преемственность, так и разрывы в традициях, хотя переход в другое хронопространство может сопровождаться сохранением определенных констант. Эти пояснения необходимы

при переходе от изучения собственно кочевых империй к Монгольской империи и тюрко-татарским государствам. Такое замечание необходимо, поскольку некоторые исследователи Золотую Орду рассматривают в одном ряду с кочевыми империями.

Так, Томас Барфильд, хотя и делает оговорки по поводу империи Чингизхана, тем не менее, рассматривает весь кочевой мир как культуру, живущую за счет земледельческих, оседлых народов, в частности Китая [1]. Во-первых, неверна общая посылка. Прежде чем получать дань с какой-то территории, кочевники должны были организовать собственную государственную систему. Нельзя было победить Китай с помощью степных разбойников. До того, как напасть на Китай, надо было иметь регулярную армию, а значит, организованное население, которое могло прокормить сотни тысяч воинов. Кочевые империи не могли строиться за счет эксплуатации оседлых народов. Основой их экономики было скотоводство, которое требовало пастбищ. Охрана угодий, в свою очередь, нуждалась в стройной системе властных отношений. Все войны и великие переселения народов объясняются переделом и поиском пастбищ, а не погоней за данью. Во-вторых, переход от домонгольских тюркских государств к Золотой Орде связан с качественными изменениями в хозяйстве, культуре, государственном устройстве. Если воспользоваться терминологией Эммануэля Валлерстайна, появилась принципиально новая экономическая мир-система. Новое государство не только опиралось на доблесть степных багатуров, как у гуннов и тюрков, но также строило сотни городов и занималось обширной торговлей. В Золотой Орде основной статьёй экспорта стало зерно, что изменило характер хозяйственных установок.

Тем не менее, несмотря на принципиальные изменения, и в этом случае можно увидеть инварианты не только в иерархии административного управления, но и в самих законах, которые Чингизхан и последующие великие ханы сохраняли у народов, добавляя к ним «Великую Ясу» и свои ярлыки [15]. Как пишет В.В. Трепавлов, «использование древнетюркской государственной традиции в 1207–1223 гг. позволило Чингисхану и его соратникам приобрести дополнительную социальную и военную опору за пределами Монголии» [22, с. 58]. Преемственность и перемены оказываются двумя соотносительными историческими категориями.

Инварианты могут появиться не только в рамках гомогенных пространств, но и на ландшафтных разломах, в местах схождения различных культур. Например, территория современного Татарстана, даже в искусственно уменьшенном советском варианте, сохраняет преемственность в геополитическом плане. Она располагается в ключевой точке Волжско-Камского бассейна, на севере граничит с историческим «Лесом» – территорией финно-угорских народов, на западе примыкает к европейской части России, на востоке выходит на Урал, а на юге смыкается с исторической «Степью». Если оглянуться на исторический ландшафт Евразии, мы увидим ее характерные элементы: степь, лесостепь, реки и лес, которые выступают в качестве границ климатических, экономических и этнических зон. В случае с Татарстаном они соединяются в один узел. То, что характерно для пространства, можно отнести и к ментальности. Евразийская ментальность как симбиоз тюркских, славянских и финских элементов возникла в силу экономической потребности обмениваться товарами. Если упростить картину, то можно сказать, что в

степи всегда было много скота, в лесу – пушнины, а в лесостепи – зерна. Обмен жизненно важными товарами и стал основой симбиоза. Благодаря этому пограничные зоны сформировали открытые культуры, обеспечивавшие обмен не только товарами, но и идеями, технологиями и др. Открытость культур сохранилась до сих пор, что хорошо видно на примере татар, русских и финно-угорских народов России.

Евразийская ментальность, т.е. ощущение себя гражданином всей территории России и отчасти Центральной Азии, перешла к татарам в качестве инварианта, а также в силу дисперсного расселения, что создает условия для общения со многими народами. То же самое можно сказать о русских. Поэтому Татарстан представляет некую микромодель Евразии, причем существенно то, что в республике присутствует единство различных этнических групп, что фиксируется социологическими исследованиями в качестве региональной идентичности [12].

Приведенных примеров достаточно, чтобы увидеть, что смена исторических фаз, которая радикально меняет структуру общества и функции социальных элементов, тем не менее, сопровождается сохранением некоторых инвариантов в различных сферах жизнедеятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барфильд Томас*. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / Пер. с англ. Д.В.Рухлядева, В.Б.Кузнецова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет; Нестор-История, 2009. 488 с.
2. *Бродель Фернан*. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. I. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
3. *Вейс Герман*. История цивилизации. Классическая древность до IV в. Т. 1. М., «ЭКСМО-ПРЕСС», 1998. 752 с.
4. *Джиованни дель Плано Карпини* / Гильом де Рубрук. История монгалов. Путешествие в восточные страны / Пер. с лат. А.И. Малеина. Ред., вступ. статья и прим. Н. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. 272 с., 8 л. ил., карта-вклейка
5. *Головнев А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, Уральское отделение Российской академии наук; «Волот», 2009. 496 с.
6. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993. 576 с.
7. *Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 279 с.
8. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Рухил, 2006. 960 с.
9. Золотая Орда в источниках. Том первый. М.: Наука, 2003. 448 с.
10. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., Петербургское Востоковедение, 2004. 368 с.
11. *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. I. М.: Мысль, 1987. 431 с.
12. *Макарова Г.И.* Идентичности татар и русских в контексте этнокультурной политики Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань, Казанский гос. университет, 2010. 246 с.
13. На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М.: Инсан, 1996. 768 с.
14. *Паркер Э.Х.* Тысяча лет из истории татар. Казань: Идел-Пресс, Слово, 2003. 288 с.
15. *Почакаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 260 с.
16. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.: Академия наук СССР, 1948. 803 с.

17. Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань: ФЭН, 2002. 411 с.
18. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. 798 с.
19. Сулейменов Олжас. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. Алматы: АТАМУРА, 2002. 320 с.
20. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1884. 564 с.
21. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2010. 640 с.
22. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука, 1993. 166 с.
23. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. 60 с.
24. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. 369 с.
25. Хакимов Р.С. Нулевая точка исторического времени // Золотоордынское обозрение. Казань, 2013. № 2. С. 4–18.

Сведения об авторе: Рафаиль Сибгатович Хакимов – директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, доктор исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

HISTORICAL INVARIANTS IN TIME AND SPACE

R.S. Khakimov

(Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

The article deals with the heterogeneity of historical time and space, which affects the understanding of social processes. This understanding contributes to periodization of social processes not in chronological order but according to the semantic division of historical phases. From a historical standpoint, space appears as a structured field in ethnic, economic and administrative sense. Despite the constant social changes, structural and cultural invariants are preserved in their previous form. These invariants are clearly seen in the example of nomadic empires of Eurasia, from the Golden Horde – until the Russian Empire.

Keywords: historical invariants, space-time, landscape, means of communication, Golden Horde, Russia, Tatarstan.

REFERENCES

1. Barfield Thomas. *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitay (221 g. do n.e. – 1757 g. n.e.)* [The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China (221 BC – 1757 AD)]. Per. s angl. D.V. Rukhlyadeva, V.B. Kuznetsova. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ.; Nestor-Istoriya, 2009. 488 p.

2. Braudel Fernand. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filippa II. Chast' I. Rol' sredey* [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Part I: Role of the Environment]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 496 p.
3. Weiss Hermann. *Istoriya tsivilizatsii. Klassicheskaya drevnost' do IV v. Vol. 1* [History of Civilization. Ancient Times up to the 4th century. Vol. 1]. Moscow, EKSMO-PRESS Publ., 1998. 752 p.
4. Giovanni da Pian del Carpine. Guillaume de Rubrouck. *Istoriya mongalov. Puteshestvie v vostochnye strany* [History of the Mongols. Travel to the Eastern Countries]. Per. s lat. A.I. Maleina. Red., vstup. stat'ya i prim. N. Shastinoy. Moscow, Geografiz Publ., 1957. 272 p., 8 l. il., karta-vkleyka
5. Golovnev A.V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of Motion (antiquities of the northern Eurasia)]. Ekaterinburg, Ural'skoe otделение Rossiyskoy akademii nauk; Volot Publ., 2009. 496 p.
6. Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii* [The Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations]. Moscow, Ekopros Publ., 1993. 576 p.
7. Gumilev L. *Geografiya etnosa v istoricheskiy period* [Geography of Ethnos during the Historical Period]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 279 p.
8. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh. Vol. II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step'* [History of the Tatars from the Earliest Times in Seven Volumes. Vol. II. Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Kazan, Rukhil Publ., 2006. 960 p.
9. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Tom pervyy* [Golden Horde in the Sources. Vol. I. Arabic and Persian Writings]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 448 p.
10. Klyashtornyy S.G., Sultanov T.I. *Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e* [States and Peoples of the Eurasian Steppes. Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2004. 368 p.
11. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v devyati tomakh* [Collected Works in Nine Volumes]. Vol. I. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 431 p.
12. Makarova G.I. *Identichnosti tatar i russkikh v kontekste etnokul'turnoy politiki Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Tatarstan* [Tatar and Russian Identity in the Context of Ethno-Cultural Policy of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvennyy universitet, 2010. 246 p.
13. *Na styke kontinentov i tsivilizatsiy. Iz opyta obrazovaniya i raspada im-periy X–XVI vv.* [At the Crossroads of the Continents and Civilizations. From the Experience of the Formation and Decay of Empires of the 10th–16th centuries]. Moscow, Insan Publ., 1996. 768 p.
14. Parker E.Kh. *Tysyacha let iz istorii tatar* [Thousand Years of History of the Tatars]. Kazan, Idel-Press, Slovo Publ., 2003. 288 p.
15. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordy* [Law of the Golden Horde]. Kazan, Fen Publ., 2009. 260 p.
16. Rybakov B.A. *Remeslo Drevney Rusi* [Handicraft of the Ancient Rus]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1948. 803 p.
17. Sadri Maksudi Arsal. *Tyurkskaya istoriya i pravo*. Kazan, Fen Publ., 2002. 411 p.
18. Solov'ev S.M. *Sochineniya. Kn. I: Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Collected Works. Book I. History of Russia from the Earliest Times]. Vol. 1–2. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 798 p.
19. Suleymenov Olzhas. *Tyurki v doistorii. O proiskhozhdenii drevnyeturkskikh yazykov i pis'mennostey* [The Turks in Prehistory. On the Origin of Ancient Turkic Languages and Writing Systems]. Almaty, ATAMURA Publ., 2002. 320 p.
20. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Vol. 1. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I: Excerpts from the Arab Writings]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1884. 564 p.

21. Toynbee A.Dzh. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Ayris-press Publ., 2010. 640 p.
22. Trepavlov V.V. *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v.: Problema istoricheskoy preemstvennosti* [State Order of the Mongol Empire in the 13th century: Problems of Historical Continuity]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 166 p.
23. Trubetskoy N.S. *Nasledie Chingiskhana. Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka* [The Legacy of Genghis Khan. The Glance to Russian History not from the West, but from the East]. Berlin, Evraziyskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1925. 60 p.
24. Trubetskoy N.S. *O turanskom elemente v russkoy kul'ture. Rossiya mezhdru Evropoy i Aziey: Evraziyskiy soblazn* [On the Turanian Element in Russian Culture. In: Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 369 p.
25. Khakimov R.S. Nulevaya tochka istoricheskogo vremeni [Zero Point of Historical Time]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. Kazan, 2013, no. 2, pp. 4–18.

About the author: Rafail' Sibgatovich Khakimov – Director, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (AS RT), Vice-president of AS RT, Academician of AS RT, Doctor of historical studies (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); history@tataroved.ru